

Лариса Райская*

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ АНТОНИМИИ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Типы системных связей идиолектной лексики принадлежат к наименее изученным явлениям диалектной лексикологии. Это, очевидно, связано не только с трудностями выявления такого рода отношений, но и с тем, что интерес к индивидуальному в лексиконе и дискурсе «обычной» диалектной языковой личности начал реализоваться в лингвистических трудах лишь относительно недавно, а монографические исследования появились лишь в последнее десятилетие (Лютикова 1999; Иванцова 2002; Казакова 2007). О причинах существования идиолекта в говоре известно немного. Рассматривая этот вопрос, Т. С. Коготкова делает вывод о том, что идиолектная лексика играет роль фактора, сдерживающего «наступление литературного языка на говоры» (Коготкова 1979: 7).

Исследование антонимической системы говора села Нарым Парабельского района Томской области (этот диалект относится к Среднеобским старожильческим говорам Западной Сибири), непременным условием чего были длительные, многократные беседы с включённым наблюдением по крайней мере с девятью информантами, которые дали обширный антонимический материал¹, позволило сделать некоторые наблюдения над функционированием идиолектной лексики в антонимических противопоставлениях. Кроме того, можно говорить о явлении идиолектных антонимических противопоставлений, то есть идиолектной реализации в речи информантов пар слов-антонимов, не используемых в антонимической системе нарымского говора в целом.

Было установлено, что некоторые коренные носители говора с. Нарым активно употребляют в речи идиолектные антонимические противопоставления (далее называемые идиоантонимами), то есть такие, которые были неоднократно зафиксированы и воспроизводились в речи только одного информанта. По данным опроса, другие информанты не только не

---

* Томский политехнический университет.

¹ Все приводимые в статье записи были сделаны автором в течение четырёх диалектологических экспедиций в с. Нарым в период с 1979 по 1984 гг.

употребляют эти антонимические пары, но часто даже не знают значения «чужих» идиолектизмов.

Возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, диалектоносите́ль, поясняя значение «своих» идиоантонимов, часто добавляет: «Так у нас говорят». Например, в речи П. М. Костаревой бытовала идиоантонимическая пара *репный* («низкорослый, маленький») – *большой*: «Я вот *репная*, ишь маленька, а отец *большой был*, мать така средненька...»; «Старший *большой* вымахал, под потолок, как зайдет здоровый, а этот *репный*, материна порода...». Объясняя значение слова *репный*, информант говорил: «*Репная*, маленька. Говорят, *репный* – не вырос, значит».

Однако другие информанты, несмотря на то, что постоянно общались, подолгу разговаривали с П. М. Костаревой, на вопрос о значении слова *репный* обычно отвечали: «Не знаю, у нас так не говорят». Был и такой ответ: «Это лук, наверно», то есть наблюдалась попытка ремотивации прилагательного *репный* (ср. *репчатый* лук). Э. С. Шумилова проявляла явную склонность к употреблению в антонимических противопоставлениях другого, чрезвычайно экспрессивного идиолектизма и его словообразовательного варианта: «Этих вот, *запёрдышков*, мы в уху побросам [окуней]², а эти большеньки – котлеты свертим»; «Ты вот замуж вышла, у тебя какой мужик? Большой ли *запёрдыш*? Ой, у нас говорят, вышла замуж за *запёрдыша*». Как видим, в метаязыковом контексте есть указание на то, что отмеченный идиолектизм, в сущности, рассматривается информантом как общеупотребительное в говоре слово. Однако в речи других информантов это слово ни разу не было зафиксировано, несмотря на то, что мы пытались спровоцировать его употребление разговорами на темы, связанные с сопоставлением предметов и существ по их размерам. Тем не менее такие противопоставления, в силу их ярко выраженной экспрессивности (но без оттенка бранности), некоторые другие диалектоносители замечают и, хотя сами не употребляют, всё же знают о бытовании их в речи определённого лица. На прямой вопрос о значении слова одна из приятельниц Э. С. Шумиловой заметила: «Это тебе Миля сказала, однако».

Судя по высказываниям диалектоносительниц, ряд идиоантонимов передаётся в семье «по наследству»: «Боевой, *круткий* такой (о резвом ребёнке). Всяки бывают. У нас мама говорила, что если ребёнок сидит всё время, то это и не ребёнок – *сидун*»; «Это не ребёнок, если он нигде не блудит, это *сидун*. Ну, Женька у нас такая *круткая*» (записано от А. И. Мокиной).

---

² Здесь и далее пояснения и прямая речь собирателя, автора этой статьи, приводится в квадратных скобках.

Возможно, именно память о речевом узусе родителей, дедушек и бабушек побуждает рассматривать такие противопоставления традиционными, исконными. При этом у информантов создаётся иллюзия, что употребляемые по семейной традиции идиоантонимы должны быть общеизвестны в селе.

В целом идиоантонимические различия в говоре Нарыма не являются значительными, препятствующими свободе взаимопонимания, и продолжают стираться, судя по показаниям языкового сознания диалектоносителей: «Первенец – старшой – одно и то же, большак тоже говорят; младший, последний, меньшей; отпадают эти слова: *оскрёбушек*, *последушек* говорили».

Идиолектные антонимические особенности в говоре Нарыма наблюдаются в основном двух типов.

I. Регулярное употребление отдельных идиоантонимических противопоставлений (то есть таких, в которых хотя бы один член пары представлен идиолектизмом):

– *хороший* – *новомодный* ‘слишком разборчивый в еде: такой, который «модничает»’: «Ишь *новомодный* какой [внуку], пряники не кушает уже. Что смеёшься, конечно, *новомодный*, разве *хороший*». «Ишь *новомодный* какой [о коте] – роется, не кушает суп, а *хороший* кот ли кошка всё съес, подай только» (записано от П. М. Костаревой);

– *вялый* – *карутель* ‘очень подвижный, энергичный ребёнок’: «*Вялый*, не любит сильно двигаться, вот наша-то *карутель*, как огонь вся»; «*Вялый*, не расторопливый, ну если который побыстрее шевелится, так это же лучше. [– Это какой?] – Это *скоропостижный*, или как наша Женька вертится – *карутель*»;

– *напакостить* – *охитить* ‘прибрать, вычистить; навести порядок’: «Я всё *охичу*, а он придет *напакостит* [кот]»; «Я уж деду говорю: давай я эту избушку буду *охичивать*, только чтоб никака скотина там не забиралась, не *напакостила*».

II. Использование в речи специфических, характерных только для одного определённого лица антонимов – «губок».

Это явление нуждается в несколько более подробном рассмотрении.

Антонимы – «губки» широко реализуются не только в говорах и просторечии, но и в разговорной речи носителей литературного языка. Члены такого рода оппозиции существенно различаются по структуре и объёму значения. Говоря о словах – «губках» как специфическом для разговорной речи лексическом явлении, авторы «Русской разговорной речи» отмечают: «Разговорная речь, развивая ситуативные значения слов, часто создаёт такие лексико-семантические противопоставления, которые и существуют только в условиях определённой ситуации речи. Слова с обобщённым значением выступают тогда в качестве немаркированного члена проти-

вопоставления» („Русская разговорная речь” 1973: 455). Следовательно, «губкой» является, по существу, лишь один из двух членов антонимического противопоставления.

В зависимости от характера значения рассматриваются две разновидности антонимов – «губок».

1. Слово – «губка», вступающее в нерегулярную антонимическую связь, имеет обобщенное значение, несложное по семному составу, например, слово *хороший* имеет общее значение положительной оценки. Употребляясь в антонимическом контексте со словом, имеющим конкретное значение, «губка» приобретает свойство «впитывать» (только в данном контексте) компонент значения, противоположный основному компоненту значения противочлена. Так, в контекстуальном противопоставлении *малошёрстный* – *хороший* («Смешали и *малошёрстных*, и *хороших* овец, вот и шерсть така») в значении слова *хороший* эксплицируется контекстуальный компонент ‘дающий много шерсти’, то есть реализуется одна из многочисленных функций положительной оценки.

В говоре наиболее часто встречаются «губки» со значением общей положительной или отрицательной оценки: «Эти-то девки *хороши*, ну а одна *проходна* така, как в брюхе настёгано»; «Этот уже *дряхленький* старик помер, а Милин-то *хороший* был ишо»; «Молоко ешь, но у ней *непокорное*, она не сосёт у её, вот было бы *хорошее*»; «Если дрова хорошо горят – *жаркие*, плохо – *никудышные*».

К этой разновидности антонимов – «губок» следует, очевидно, отнести также нерегулярные противопоставления со словом *нормальный* в качестве немаркированного противочлена со значением положительной оценки: «*Немой* говорить не умеет, а тот *нормальный*, говорит». «А соседи говорят: «Какая же она *дурочка*, она *нормальная* девочка»; «Нет, она *нормальна* девка, это сестра *гуляшиа* у ней»; «*Глухой* дед, а бабка-то *нормальна*, слух у ней хороший».

В ряде контекстов *нормальный* и *хороший* употребляются как синонимы, и это закономерно, поскольку «...в жизни плохое гораздо более многолико, чем хорошее, поскольку оно отвечает неограниченным возможностям отклонения от нормы, а хорошее соотнобразуется с нормой...» (Арутюнова 1983: 335).

Противопоставления с антонимами – «губками» могут с течением времени превратиться в регулярные антонимы в том случае, если у слова – «губки» развивается в говоре новый лексико-семантический вариант. Так, в настоящее время слово *плохой* имеет в говоре Нарыма, кроме первичного общего значения отрицательной оценки, ещё как минимум два производных значения:

1) ‘больной’: «Така *плоха* была, уж и помирать собралась, и всё, а вот ведь бегат опять, и *здоровая* вроде»;

2) 'некрасивый, неприятный на вид': «Какой он есть, черный, белый, какой *красивый* ли *плохой*, ничо не знаю».

Возникли производные значения и у слова *хороший*:

1) 'добрый': «Вот у Марии Сусоевой, характер у неё *злой*. Разные ведь бывают люди. Вот дед, который меня воспитывал, такой был характер *хороший*, ну прям очень хороший старик был»;

2) 'тактичный, скромный': «Бывает и образованна, а не задирает нос, *хорошая*, а эта – образования никакого, да *куражлива* така»;

3) 'красивый': «Облице есть немного остяковое, а остальные остяки, они не скажешь, что *страшные*, – *хорошие*, если чистокровный остяк».

2. «Губками» могут быть также слова, имеющее неопределенное, диффузное значение в говоре.

Диффузность – весьма характерная для структуры значения многих экспрессивных слов говора особенность, возникающая в случае нечётко очерченного денотата; как правило, это денотаты относятся к сфере оценки физических, интеллектуальных и нравственных свойств человека (а порой и домашних животных, которых к человеку свойственно относить с позиций антропоморфизма).

В антонимических контекстах значение таких слов конкретизируется в зависимости от значения противочлена, т.е. в контексте «губка» приобретает функции полного, точного антонима противопоставляемого слова. И только сравнение с другими антонимическими контекстами убеждает в том, что данное слово аморфно по семантике, оно «принимает» то значение, которое навязывается ему типовыми антонимическими контекстами, содержащими в качестве противочлена слово с точно определяемой семантикой. В этом случае можно, очевидно, говорить об управлении смыслом антонимического противочлена; это свойство может быть обусловлено ассоциативным потенциалом слова с конкретной семантикой в антонимически сильной синтагматической позиции.

Например, слово *пантюха* в речи разных информантов может выступать в значениях:

1) 'неопрятный человек': «Чулок не подтянет, спустит и идет, ну *пантюха*, когда ж ты *чистоплотна-то* будешь!» (записано от Р. А. Кайдаловой);

2) 'некомпанейский, необщительный человек': «Ну, такой был *весельчага*, ой, знаешь, эти присказульки, рассказульки. Быват, *пантюха* сидит, а наш нет. [– Это который веселиться не умеет?] – Ну да. Говорят, сидит, как *пантюха*, ни спеть, ни сплясать» (записано от Э. С. Шумиловой).

В противопоставлениях *пантюха* – *чистоплотный*, *пантюха* – *весельчага* положительно оцениваемый член оппозиции обозначен чрезвычайно конкретно и точно не только описательно, через контекст, но и посред-

ством мотивировочного признака, недвусмысленно передаваемого через прозрачную внутреннюю форму этих лексически и структурно мотивированных слов. В подобном случае значение слова, противопоставленного в типовой антонимической конструкции, не может не восприниматься как противоположное по основному мотивировочному признаку противочлена: 1) *пантюха* = тах. не *чистоплотный*; 2) *пантюха* = тах. не *весельчага*.

Другие примеры антонимов – «губок» этой разновидности: «Ты *проста*, а знаешь как *воображулисты* бывают городские-то...» – ср. «Кабы она баба така *проста* была, а то всё рада подкусить, *ехидная* такая, не люблю я её»; «Дед-то с бабкой *заботливы*, мы помешаемся с им, вон Светланкины-то *легки*, им заботы нет: пять внуков навезли да сели запиваться».

Таким образом, к идиоантонимам второго типа следует отнести противопоставления, в которых диалектоносители (помимо общеупотребительных в говоре, опорных антонимов – «губок» *хороший*, *плохой*, *нормальный* и т.д.) необыкновенно широко применяют «губки» индивидуальные. При этом используются слова, которые в речи других информантов в этой функции не зафиксированы. Таким образом, для идиолектной антонимии характерно использование своеобразных «идиогубок».

Например, В. В. Гришаева употребляла в качестве «губки» слово *дикий*: «И дети, говорят, *дикие* будут, а они и работают, и *умные*»; «Мы – *дикие*, вы-то – *грамотные*, говорю». «Что за дети таки *дики* стали, я не знаю. Мои как-то *послушливы* были, а эти ни об чем не думают...».

Ещё свободнее использовалась П. М. Костаревой «идиогубка» *спокойный*, с которой образовывались подчас довольно неожиданные антонимические противопоставления: «*Мухловатый* – это всё как вроде жуликом норовит сделать, есь *спокойный*, человек, а тот всё рассчитывает, *мухловатый*»; «*Алкоголик* ли он, *спокойный* – всё равно деньги уходят»; «У нас одне соседи *спокойны*, а одна сурьёзна така, *негостеприимчата*...». Примечательно, что после каждого подобного высказывания на вопрос [– Вот вы сказали «спокойный». А это какой?] диалектносительница толковала значение слова *спокойный* как противоположное значению противочлена, например, «Ну, любит, когда гости приходят, и чай давай пить, и всё...». Очевидно, этот факт может рассматриваться как свидетельство того, что в актуальном коммуникативном акте «идиогубки» успешно трансформируются функционально и воспринимаются говорящим как полноценный антонимический противочлен.

В синхронном отношении идиолектная антонимия относится к асимметричным явлениям, к периферии диалектной антонимической системы.

Действительно, степень асимметричности членов идиолектных антонимических оппозиций в целом выше, чем в регулярных диалектных противопоставлениях, для которых, как и для разговорной речи литературного языка, характерна грамматическая, то есть частеречная, и семантическая квазиантонимичность (Апресян 1974; Новиков 1982; Миллер 1990).

Идиоантонимическим противопоставлениям, кроме того, в большей степени свойственна семантическая асимметричность ещё одного вида. Речь идёт о том, что в таких противопоставлениях один из членов оппозиции часто выражен образной лексической единицей в виде языковой метафоры (*карутель*, *новомодный*) или собственно образного слова (*репный*, *запёрдышек*).

Значение же образного слова представляет собой двуплановую семантическую структуру (Юрина 2005), которая включает: 1) предметно-понятийный план содержания – денотатив образного значения, отражающий представление о называемом предмете (*репный* – ‘маленький, subtilный’); 2) связанный с ним ассоциативно-образный план, включающий представление о денотате, уподобляемом данному, описываемому (*репный* – ‘репа, репка’); 3) «символ образного значения» – представление об общем признаке, сближающем два денотата (*репный* ↔ *репа* ‘незначительность, мелкость размера’). Нагруженная такими семантическими пластами, образная лексическая единица – член антонимической оппозиции особым образом организует выражение противоположности в качестве основного, смыслообразующего противочлена. Таким образом, второму антониму, возможно, отводится лишь роль своеобразного маркера противоположности: он, в сущности, не обозначает, а только указывает на факт противоположности слов по признаку, указанному образной лексической единицей.

Усугубляет асимметричность идиоантонимов и ярко выраженная экспрессивность и эмоциональность одного из противочленов: «*Чеченька мой [внуку], что не пошёл с ребятами [купаться на Обь], а то так вредный бывает. Вот пойдёт, а я боюсь [что утонет]*». Таким образом, возникает вопрос, насколько рассмотренные идиолектные оппозиции соответствуют критериям антонимичности, если а/ далеко не все из них выражены словами одной части речи; б/ члены оппозиции асимметричны в семантическом и коннотативном планах. Однако следует учитывать, что антонимика разговорной речи также характеризуется гораздо большей асимметричностью членов оппозиции, чем антонимы языковые, зафиксированные словарями антонимов русского литературного языка. Например, «Нет / это *нарядная* очень [блузка]/ а мне надо *простую* / на каждый день»; «1. Какая книга *бестолковая!* 2. Да? А мне показалась *нормальная*» (Русская разговорная речь 1973: 455–456). Характерно, что подобные противопоставления широко употребительны, даже если говорящий имеет возможность использовать точный языковой антоним (ср. *нарядный* – *повседневный*, *бестолковый* – *толковый*). Очевидно, это вполне соотносится с закономерностями живой речевой практики, поскольку «логическое мышление организует язык, а практическое подчас его дезорганизует» (Арутюнова 1983: 341).

Очевидно, антонимические противопоставления в ненормированной устной речи некоторых носителей диалекта обнаруживают ещё меньшую потребность в использовании полных, точных антонимов общедиалектного бытования. В ряде случаев речевой узус индивидуальный и/или семейный оказывается предпочтительнее узуса системы говора, и говорящий выбирает противопоставление, которое он считает (ощущает) более привычным, выразительным или экономичным. При этом условия коммуникативных актов, равно как и использование противопоставлений в типовых синтаксических конструкциях, неизменно корректируют, преодолевают эту асистемность существованием негласной языковой нормы.

Представляется, что наличие идиоантонимов исключительно в речи лиц преклонного возраста (не моложе 60 лет, по нашим наблюдениям), отражает возврат к языковым средствам, сформированным у индивида в раннем детстве, и может оцениваться, следовательно, как сохранение в речи отдельных диалектоносителей фрагментов лексической системы говора более раннего состояния, отражение дрейфа языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д.** (1974), *Лексическая семантика: синонимические средства языка*, Москва.
- Арутюнова Н. Д.** (1983), *Сравнительная оценка ситуации*, Известия АН СССР, Серия литературы и языка, т. 42, № 4, с. 330–341.
- Иванцова Е. В.** (2002), *Феномен диалектной языковой личности*, Томск.
- Казакова О. А.** (2007), *Диалектная языковая личность в жанровом аспекте*, Томск.
- Коготкова Т. С.** (1979), *Русская диалектная лексикология: состояние и перспективы*, Москва.
- Лютикова В. Д.** (1999), *Языковая личность и идиолект*, Тюмень.
- Миллер Е. Н.** (1990), *Природа лексической и фразеологической антонимии*, Саратов.
- Новиков Л. А.** (1982), *Семантика русского языка*, Москва.
- Русская разговорная речь*, (1973), Москва.
- Юрина Е. А.** (2005), *Образный строй языка*, Томск.

Larisa Rayskaya

INDIVIDUAL ACTUALIZATION OF ANTONYMY IN THE RUSSIAN DIALECT SPEECH

In this article various kinds and peculiarities of idiolect antonymy that is opposition of opposites that are revealed as a regular reproduced ones in typical antonymical contexts in the speech of only one dialect speaker are considered on the basis of material of one Siberian old-timer subdialect of the Middle Ob region. Pairs that include precise ideantonyms and pairs with the usage of individual words “sponges” are analyzed. Some peculiarities connected with asymmetries of idiolect antonyms and nature of their functioning in the subdialect.